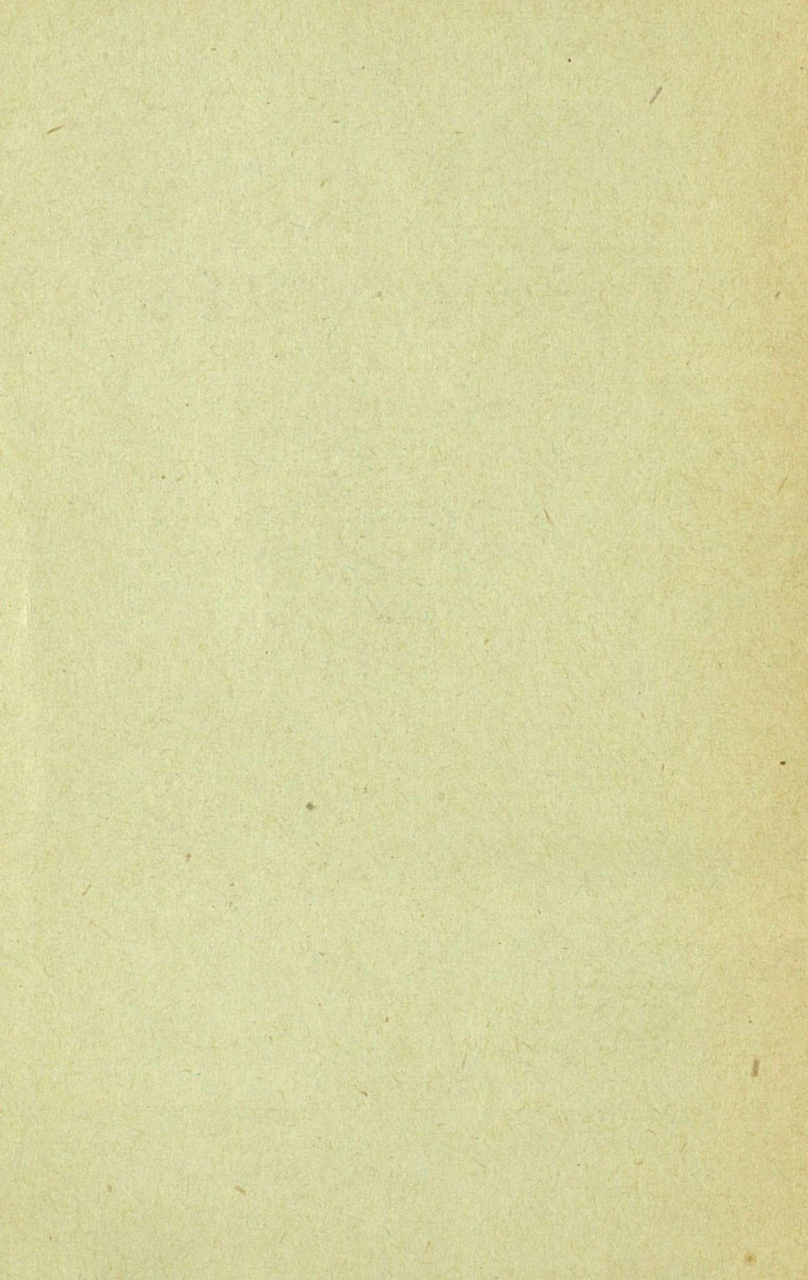

РАССКАЗЫ О МАСТЕРСТВЕ

Я. Т А Й Ц
**РУДЫЙ
КАМЕНЬ**

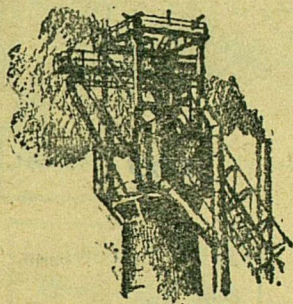
ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1941

Я. ТАЙЦ

Т 148

РУДЫЙ КАМЕНЬ

*Рисунки
М. Серегина*

*ЦК ВЛКСМ
Издательство Детской Литературы
Москва 1941 Ленинград*

Ребята! Напишите нам свое мнение об этой книге. Какие вы видите в ней недостатки? Каковы ваши пожелания? Укажите, в какой школе или ремесленном училище вы учитесь, к какой профессии себя готовите.

Отзывы шлите по адресу: Москва, 12, Малый Черкасский пер., д. 1. Массовый отдел Детиздата ЦК ВЛКСМ.

~~344/3~~

~~1957-58 г.~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКИХ КНИГ
ДЕТГИЗА~~

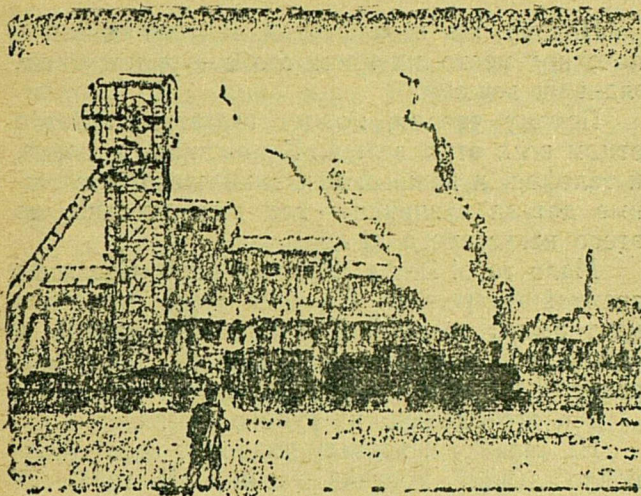
ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Б. Камир

Подписано к печати 24/III 1941 г. 1⁵/₈ печ. л. 1,9 уч. изд. л.
48160 зн. в печ. л. А35764 Тираж 50 000 экз.

Цена 40 коп.

Типография им. Воровского, Москва, ул. Дзержинского, 18
Н. 6084

1

Минералы и руды сами на двор не придут, требуют глаз и рук и для своего прииска.

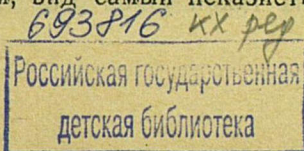
М. Ломоносов

На моем столе лежат всякие вещи: вот часы, ножницы, перья, телефон, пишущая машинка...

Недавно к этой компании присоединился новый, несколько необычного вида жилец: невзрачный буровато-красный камень.

Приподымеешь его — он тяжелый. Проведешь им по бумаге — остается красная черта. Блеск у него матовый, или, как говорят ученые, полуметаллический.

Словом, вид самый неказистый.

Почему же этот рыжий замарашка занял почетное место на моем столе — рядом с нарядными вещами?

Потому что он, можно сказать, является отцом всех этих вещей. И ножницы, и перья, и телефон, и нежный механизм часов, и сложные детали машинки — все они сделаны из этого неказистого камня.

Мало того! Вот я смотрю в окно. Сверкают трамвайные рельсы. По ним мимо чугунных мачт бежит трамвай. Его обгоняют «зисы» и «эмочки». Трещат мотоциклетки. Мелькают велосипеды. Пронесся автобус.

Все это сделано из рудого камня.

На окраине к вокзалу подходит поезд. Спокойно дышит могучий паровоз. В товарных вагонах, на платформах — станки, машины, тракторы...

Все это сделано из рудого камня.

По шоссе катятся пушки. Мчатся танки. Блестят штыки. Насторожились пулеметы.

Все это сделано из рудого камня.

По зеленым волнам близких и далеких морей движутся эскадры — дредноуты, крейсера, миноносцы. Под ними в темной глубине бесшумно скользят подлодки.

Все это сделано из рудого камня.

Без него мы пахали бы землю сохой, стреляли бы, точно первобытные дикари, из лука, путешествовали бы в телеге.

Так что почетное место на моем столе этот камешек занял по праву.

Я привез его из Кривого Рога. Это большой, широко раскинувшийся город на Украине. Стоит он на тихой узкой реке Ингулец.

Там такого камня очень много. Ученые считали-считали и насчитали там примерно полтора миллиарда тонн. Надолго хватит!

Подарил мне этот камешек тамошний шахтер Алексей Семиволос.

— Возьмите на память, — сказал он, — этот рудый буток.

— Почему рудый, Алексей Ильич? — спросил я.

Он ответил:

— Рудый по-нашему, по-украински, значит — рыжий, красный. Разве вы не слышали нашу поговорку: рудый сам, руду взяв, рудый пип повинчав, руда музыка играла, народилася дитина, и в ней рудая чупрына?

Я подумал, не отсюда ли пошло слово «руда»? Ведь красный камешек, который занял почетное место на моем столе, — это железная руда.

Встарину кровь называли рудой. Вот заговор мельника из книги А. К. Толстого «Князь Серебряный»:

«Ты, мать-руда жильная, телесная, остановись, назад воротись... Как коню его воды не стало, так бы тебя, руда-мать, не бывало. Пух-земля, одна семья, будь по-моему, слово мое крепко».

2

Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным
арканом...

В. Жуковский

Семиволос взял рудый камень в шахте. Он бурильщик, или, как говорят шахтеры, бурщик (с ударением на букве «и»).

Раньше, до поездки в Кривой Рог, я думал, что бурщик — это тот, кто выделяет бурки. А бурка — это такой мохнатый теплый кавказский плащ с приподнятыми плечами.

Но оказывается, настоящие бурщики — это шахтеры. Они, можно сказать, самые главные люди на шахте.

Железная руда лежит твердым каменистым пластом. Окружающая ее порода (по-ученому — вмещающая порода) тоже не мягче. Лопатой и заступом их не возьмешь.

Вот тут-то и приступают к работе бурщики. В руках у них бурильные молотки, только не простые, а пневматические; они приводятся в действие сжатым воздухом.

Бурщики просверливают в твердой массивной породе или пласте руды узкие длинные отверстия — шпурь. По-шахтерски — бурки.

Крепкий пласт из всех сил сопротивляется буру. Но сжатый воздух сильнее камня. Он толкает поршень молотка, поршень бьет по острому стальному буру. Коронка бура вгрызается в породу. Все глубже, все дальше! Вот бур углубился на полметра, на метр, на полтора... Достаточно!

Бурщик вытаскивает бур, вынимает длинный, вроде огромной каменной свечи, высеченный буром кусок скалы — керн, и прочищает шпур от буровой пыли, которую шахтеры называют буровой мукой.

Когда все шпурь пробурены, начинается самое интересное. В бурки забиваются патроны из динамита. К патронам проводится электрический ток. Дырки замазываются.

— Осторожно! — кричит запальщик. — Отойдите все в сторону!

Все отходят. Запальщик включает ток.

Буууу!.. — грохочет взрыв. С шумом отваливаются куски руды.

Вагонетки (а на больших шахтах специальные вместительные ящики — скипы) везут руду на-гора, то есть на поверхность. Наконец-то рудый камень, который около трехсот миллионов лет пролежал в недрах земли, выходит на свет.

Его ожидает большое, славное будущее. Довольно ему дремать в темных, тесных недрах! Пускай послужит на пользу человеку!

Его отвезут на металлургический завод. Здесь день и ночь пышут жаром огромные печи — домны. Их обычно и строят поближе к залежам железной руды.

Домны доверху наполняются рудой, коксом, известковым камнем. Начнется плавка. Домна выдаст чугун. Он пойдет на отливку различных машинных частей. Многие вещи домашнего обихода тоже сделаны из него.

Но чугун плохо куется, легко бьется, он хрупок.

То ли дело сталь! Она и прочна, и тверда, и гибка, и упруга.

Что ж, из чугуна можно сделать сталь! Этим занимаются мартеновские и бессемеровские цеха металлургических заводов.

Стальные болванки и чугунные чушки поедут на рельсопрокатные, железопрокатные, судостроительные, автомобильные, шарикоподшипниковые, станкостроительные и другие заводы.

Там из них будут сделаны самые разнообразные машины.

Все они берут начало от скромного, неказистого рудого камня.

Вот и выходит, что бурщик — самый главный человек на шахте. Без него ни пылинки руды нельзя было бы оторвать. Он первый вонзается в твердый, притаившийся в глубине пласт. Недаром Алексей Ильич Семиволос с гордостью говорил мне:

— Мы, бурщики, делаем почетное дело!

И показывал мне медаль, которую получил в тридцать девятом году. На медали пятиконечная звезда с серпом и молотом, а под звездой надпись:

ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ

Получив медаль, Семиволос не почил на лаврах, не сидел сложа руки. Нет, в сороковом году он работал еще лучше.

Он поставил мировой рекорд. О нем узнала вся страна. К нему стали приезжать из разных мест. Он стал получать много писем. Его снимали для кино. Недавно к нему приезжал уральский шахтер, тоже бурщик, — Илларион Янкин.

Дело было так.

3

Робота сама за себе скаже.

Украинская поговорка

На уральской меднорудной шахте «Красногвардейке» кончилась смена. Шахтеры поднялись на-гора. Друг за другом подходили они

к доске, чумазые, покрытые зеленой пылью, и вешали контрольные номерки.

Маленькая табельщица сказала:

— Ларион, пляши!

Коренастый, широкоплечий шахтер отозвался:

— Без музыки что за пляска!

— Нет, пляши, пляши!

Шахтер развел руками и, притоптывая резиновыми сапожищами, изобразил нечто вроде «яблочка».

Табельщица отдала ему письмо. На самодельном конверте крупными покосившимися буквами было выведено:

г. Красноуральск

Свердловской области

Шахта „Красногвардейская“

Бурильщику Иллариону Янкину

Шахтер сунул письмо в карман. Дома он переоделся, умылся, стал читать.

Письмо было от отца. Старик звал сына к себе, в колхоз, в Куйбышевскую область.

«Приезжай, сынок. Дай на себя поглядеть. Небось, отощал. Нелегко, я думаю, копать под землей. У нас на приволье отдохнешь, подправишься...»

Чудной старик! Все ему всякие страсти мерещатся под землей!

Ларион сложил письмо, задумался. Он любил свою шахту, свою работу. Он был стахановцем, работал хорошо, сперва одним молотком, потом двумя, но ему все казалось—мало! Он хотел добиться большей выработки.

«Нет, верно, надо съездить в деревню, по-видаться со стариком. Кстати и отпуск nearing подходит. Пора отдохнуть! А там, в деревне, лучше всякого дома отдыха».

-В свой выходной он отправился на главную улицу, в универмаг, набрал гостинцев для всей деревенской родни и наполнил ими большой чемодан.

Вернувшись с покупками, он нашел в дверном ящике для писем свежую московскую газету.

Янкин не торопясь отпер ящик, достал газету, почитал о войне в Европе, о строительстве, потом перевернул страницу и наткнулся на небольшую заметку:

РЕКОРД БУРИЛЬЩИКА СЕМИВОЛОСА

Кривой Рог. (По телефону от нашего корреспондента.)

Бурильщик шахты имени Ильича Алексей Семиволос поставил небывалый рекорд. За одну смену он обурил восемнадцать забоев, перевыполнив норму на 1200 процентов. Многие бурильщики Криворожья переходят на семиволовские методы бурения

Янкин не поверил своим глазам. Он трижды перечитал заметку. Тысяча двести процентов! Легко сказать!

Ты тут работаешь не покладая рук, с трудом даешь полторы-две нормы, а там, на Украине, такой же бурщик выдает двенадцать норм за смену! Кто же он, богатырь какой-нибудь, Илья Муромец, Соловей Разбойник?

На «Красногвардейке» только и разговору было что о Семиволосе. Табельщица, размахивая газетой перед самым носом Янкина, говорила:

— Вот где настоящие бурщики! А вы кто? Чижики!

Лева Новиков, комсомолец и начальник участка, горячился:

— Неужто наши хуже ваших? Или мы не горняки, товарищи?

Ларион не выдержал, подошел к главному инженеру:

— Читали про Семиволоса, товарищ Аксенов?

— Читал, — отозвался главный инженер. — Действительно, факт, достойный всяческого внимания! Я вот что думаю, — инженер поднялся и зашагал по кабинету, — надо кому-нибудь из наших отправиться туда, в Кривой Рог, и, знаете... поразведать тамошние секреты.

Он остановился, помолчал.

— Да вот вы, товарищ Янкин, и поехали бы. Тем более вы тоже бурщик, стахановец...

— Да я вроде в гости к отцу собираюсь, отпуск мне подходит, — ответил бурщик.

...Янкин спустился в шахту, взялся за работу. Привычно прислушиваясь к непрестанному дробному стуку молотка, он все думал о криворожском богатыре. Загадочная, вызывающая зависть и восхищение цифра — 1200 процентов нормы за смену — не давала покоя. Может, там руда особенная какая-нибудь, очень мягкая? Может, такая, что только тронь ее — она посыплется? Тогда, конечно, оно недолго и все две тысячи выдать! Нет, вот вы бы нашу, медную, попробовали!

Янкин с трудом дождался конца смены. Едва раздался звонок, он сразу же, не умывшись, не переодевшись, ввалился в контору.

Главный инженер сидел за бумагами.

— Пишите, товарищ Аксенов, — Янкин махнул огромной брезентовой рукавицей, — пишите командировку!

— Куда?

— Да в этот... в Кривой Рог.

Так и не пришлось на сей раз шахтеру Янкину поваляться на зеленой травке в родном колхозе Куйбышевской области.

С чемоданом, приготовленным для поездки к отцу, он покатил в далекий Кривой Рог добывать семиволосовские секреты...

4

Що город, то и норы.

Украинская поговорка

Поезд пришел ночью.

Над городом стояло зарево. Оно занялось несколько лет назад, когда был построен Криворожский металлургический завод, один из самых больших в Европе. Здесь в домнах плавится красная криворожская руда, здесь она превращается в чугун и сталь. И каждую ночь пламя бессемера, где производится продувка чугуна воздухом, освещает весь Кривой Рог.

— Это пламя у нас называется попросту «свечой», — сказал кто-то из пассажиров, пробираясь к выходу.

— Вот уж действительно всем свечам свеча! — усмехнулся Янкин.

Яркое пламя озаряло высокие, мощные домны, заводские корпуса, подъемные краны, мосты, трубы... Вдруг «свеча» померкла, стало темно, но сразу же она вновь вспыхнула ослепительным светом. На фоне зарева бле-

стели красные звезды. Янкин догадался: это сверкает созвездие шахт, выполнивших план. Весь Кривой Рог был украшен звездами, словно город отмечал какой-то праздник.

— А вон и звезда Семиволоса, — показал попутчик. — Она зажглась первая, а за ней и остальные. У нас сорок четыре шахты, и на сорока из них — звезды.

Янкин с особым чувством посмотрел на недалекую звезду.

— Места у нас любопытные, — продолжал тот. — Если интересуетесь, в Дом техники загляните. Там и музей имеется...

Янкин вынул записную книжку, записал адрес и снова посмотрел на семиволосовскую звезду. Неужели же один Семиволос увлек за собой весь большой Криворожский бассейн? Один бурщик, умелый и сметливый, трудолюбивый и настойчивый, сделал так, что не только он один, не только его бригада, не только его шахта, не только его шахтоуправление, не только его трест, — весь, весь огромный бассейн стал выдавать на-гора всю руду по плану и даже больше.

«Это удивительно! Удивительно и величественно!» думал Янкин.

Утром в гостинице он подошел к человеку, сидевшему под непонятной надписью: «Портье», отдал ему ключ от комнаты и спросил:

— Как мне пройти на шахту Ильича?

— А вы, часом, не к Семиволосу?

— К нему, — кивнул головой Янкин.

— Постойте трошки. Сегодня що у нас? Сегодня у нас среда. Так он же ж сегодня

в першей смене. Он же в забое. Вы трошки погуляйте, а к двум часам, к концу смены, и идите себе до шахты.

Янкин пожал плечами и отправился бродить по незнакомому городу. Он слышал непривычную украинскую речь. С трудом улавливал смысл, но когда разговор заходил о шахтах, понимал все.

Он видел ветхие украинские мазанки со ставенками и низкими глинобитными изгородями и выросшие рядом с ними новые красивые здания.

Он видел потемневшие от времени, покрытые красной пылью деревянные копры старых шахт и металлические надшахтные здания на новых шахтах.

Он видел провалившиеся места, овраги с заброшенными хибарками, где никто не живет, и новые горняцкие поселки со школами, больницами, дворцами труда, театрами...

Около завода, за Ингульцом, правильными рядами высились просторные многоэтажные дома с высокими окнами и балконами. Они стояли вдоль широких прямых, обсаженных зеленою улиц. Тут вырос новый социалистический город — соцмисто, как здесь называют.

На холме стояло белое здание Горного института. Здесь учатся будущие горные инженеры, командиры шахт, руководители горной промышленности.

На берегу Ингульца раскинулся Дом техники. На дверях его вывеска:

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Янкин заглянул туда.

Кривой Рог—знаменитый железный рудник, дающий одну из самых богатых и чистых железных руд в мире — красный железняк (гематит).

Акад. А. Ферсман

Здесь было таинственное, торжественное и безмолвное царство руды. Разнообразные образцы ее лежали в шкафах, витринах, ящиках. На отдельных подставках покоились куски «небесного» железа — метеориты.

Янкин увидел темный магнитный железняк, красный железняк — гематит, то черный, то светложелтый лимонит, бедный рудой пирит...

Рядом с ними лежали образцы вмещающих пород: кварцы, кварциты, граниты, сланцы, обломки застывшей лавы, окаменелости.

На стенах висели геологические карты. Там были изображены запасы руды Криворожья — его рудное тело.

Янкин присоединился к экскурсии школьников. Объяснения давал ветхий старик с усталыми выцветшими глазами, морщинистым лицом и седыми усами, которые прикрывали впалый, беззубый рот. Старик был туг на ухо. Фамилия его была Гершойг. Держа высохшими пальцами указку, он рассказывал:

— Раньше на месте нашего Кривого Рога было море. Но что значит раньше? Не вчера и не в прошлом году, а много миллионов лет назад. Видите — вот круглые камни, обкатанные этим первобытным морем. — И старик указкой коснулся серых гранитных кругляшей. — А на берегу этого первобытного моря

росли себе деревья. Вот кусочек одного из них. Что это, по-вашему, — дерево или камень?

И старый Гершойг приподнял тяжелый, словно высеченный из мрамора, желтоватый сук.

— Дерево!

— Камень!

— Ну, конечно, дерево! — зашумели экскурсанты.

— Нет, это чистый камень, — сказал Гершойг, — точнее — окаменелость. Видите, вода по капельке точила древесину, вымыла ее, и от каждой капельки оставался минеральный осадок. Так постепенно, год за годом, капелька за капелькой, вода, как хороший скульптор, и вылепила весь этот сучок.

Старый Гершойг перешел к другой витрине. Янкин жадно слушал его.

— Нашу руду, надо вам сказать, давно знали. Еще запорожские казаки, сечевики, ковали свои добрые казацкие сабли из этой нашей руды. Но по-настоящему ее не добывали. И вот только в тысяча восемьсот семьдесят шестом году приехал к нам в Кривой Рог англичанин, некто Поль. Я еще помню его. Он все ходил вдоль берегов Ингульца, приглядывался... Потом нанял рабочих и стал себе добывать. Только что это была за работа! Шахт не пробивали, а прямо сверху землю раскапывали и брали руду, которая близко лежит. Ковыряли ее только! Потом понаехали французы, бельгийцы. Все попользовались.

Старик строго посмотрел на Янкина.

— А ведь руду знать надо. Иногда жила

идет не в одиночку, а попадаютсЯ сразу не-
сколько; тогда мы имеем...

— Свиту, — неожиданно для самого себя подсказал Янкин.

— Верно, — повеселел старик. — А если от толстой жилы отходит много тоненьких, тогда мы получаем...

— Конский хвост, — не удержался Янкин.

— Правильно! А вот откуда же пошла она, наша руда?

Тут Янкин промолчал. Старик поднял указку:

— Большой частью из магмы, застывшей в земной коре. Магма — это лава, огненно-жидкая масса из недр земли. Вулканы ее и сейчас иной раз выбрасывают. Вот послушайте, что пишет о железе один ученый, настоящий академик.

Старый Гершойг надел очки и, раскрыв большую зеленую книгу, стал быстро, почти не глядя, читать:

«Я хочу поразить воображение читателя и нарисовать картину того, что было бы с человеком, если бы он, встав в одно прекрасное утро, узнал, что все железо на поверхности исчезло и что его ниоткуда больше достать нельзя. Правда, он узнал бы это довольно решительным образом, ибо в момент такого события исчезла бы его кровать, распалась бы вся мебель, уничтожились все гвозди, обвалились потолки и исчезла крыша...»

— Веселенькая сценка! — перебил себя Гершойг и посмотрел на слушателей поверх очков. — Но слушайте дальше:

«На улицах стоял бы ужас разрушения: не

было бы больше рельсов, вагонов, паровозов, не было бы автомобилей, экипажей, решеток; даже камни мостовой превратились бы в глинистую труху, а растения начали бы чахнуть и гнить без живительного металла».

— Живительного металла, — повторил Гершойг, поклонявил палец и перевернул страницу:

«Разрушение ураганом прошло бы по земле, и гибель человечества сделалась бы неминуемой. Впрочем, человек не дожил бы до этого момента, ибо, лишившись трех граммов железа в своем теле и в крови, он бы прекратил свое существование раньше, чем развернулись бы нарисованные события. Потерять все железо — пять тысячных процента своего веса — было бы для него смертью».

Старик захлопнул книгу.

— Так пишет академик А. Ферсман. Как видите, железо есть везде — и в растениях и даже в нас, в человеке...

Долго рассказывал старый Гершойг. А потом стал расспрашивать Янкина, откуда приехал, почему интересуется рудой, и просил почаще наведываться в музей.

В городе Янкин много слышал о старике.

— А, старый Гершойг! — говорили одни. — Как же, наш геолог!

— Геолог-любитель, — добавляли другие.

— Ему семьдесят шесть лет, — говорили третьи. — Он один собрал пятнадцать тысяч образцов руды. Самая большая коллекция в Европе.

Когда в Кривом Роге, как и в других городах, зашел разговор о местных строитель-

ных материалах, первым делом вспомнили старого геолога.

— Гершойг знает наши недра, как свой карман. Пускай покажет, где что.

И действительно, старый Гершойг порылся в своих ящиках, шкафах и витринах и быстро подобрал отличную коллекцию местных строительных камней с подробным указанием, где что находится, где что искать.

Когда будущие шахтеры, ученики горняцкой школы, захотели подробней узнать о руде, они пришли к старому Гершойгу. И старик им все подробно рассказал, объяснил и показал.

Когда студентам Горного института надо сдавать зачеты или дипломную работу, они приходят советоваться к старому Гершойгу.

Оставаясь один, старый тугухий Гершойг, раскладывая свои образцы по коробкам и полочкам, тихонько разговаривает с ними:

— Ты, лимонит, ложись сюда, на видное место. А тебе, пирит, и здесь хорошо будет...

Янкин много узнал о железной руде из рассказов Гершойга.

Он узнал, что земля на сорок процентов состоит из железа. Что в центре земли железа, как полагают ученые, девяносто процентов. Но добраться до центра земли, на шесть тысяч километров вглубь, невозможно. Самая глубокая шахта в мире уходит вглубь только на два с половиной километра. Человек знает только тоненькую пленку земной поверхности. В ней преобладают граниты. Под ними — более тяжелые базальты. Под базальтами — раскаленная магма, насыщенная различными

металлами. Когда магма пробивается на поверхность, металлы застывают жилами, залежами, пластами, россыпями, которые люди потом находят...

Шагая вдоль красных берегов реки Ингулец, где когда-то рыскал англичанин Поль, Янкин думал о старом влюбленном в руду геологе. И, самое главное, он хорошо понимал эту любовь человека к тяжелым рудым обломкам, свидетелям давным-давно высохших первобытных морей...

6

Шахта — вертикальная выработка для добычи руды, доставки рабочих, вентиляции и т. д.

Учебник горного дела

— Где шахта имени Ильича? — спросил Янкин у первого встречного.

И первый же встречный ответил:

— Шахта Ильича? Где Семиволос? Та вон же ж она, на базаре!

Янкин проталкивался сквозь толпу. Хорошо родит жирная криворожская земля! На базаре было полно всякой всячины, колхозной снеди, овощей, мяса...

Колхозники бродили по магазинам, приценивались, покупали. Кто запасливей, нес валенки, кто пальто, кто мануфактуру. Звучала певучая украинская речь.

Издали еще Янкин увидел красный деревянный копер шахты имени Ильича. Он прошел мимо старого котлована, где когда-то добывали руду, в контору.

Его встретили приветливо. Горняки шутили:

— Як же ж нам план не перевыполнять, если у нас шахтоуправление имени Ильича, и шахта Ильича, и Семиволос наш Алексей тоже Ильич!

Янкин улыбнулся. Он с нетерпением ждал этого «Ильича». Удастся ли потолковать по душам? Не гордый ли? Не заважничал ли?

Семиволос был внизу, в забое. Янкин ждал конца смены. За окном выгружались вагонетки. Откатчики толкали их по эстакаде, опрокидывали... Руда сыпалась в бункера. Потом каждый раз старый шахтер ударял большим молотом по днищу опрокинутой вагонетки, и звук гулко отдавался в окрестности.

«Совсем как у нас, — подумал Янкин: — и вагонетки такие же и стучим мы так же!»

Начальник шахты товарищ Михайленко, угощая гостя папиросами, рассказывал:

— Руда в нашей шахте считается небогатая, меньше пятидесяти процентов железа. Раньше такую и не добывали, считали невыгодным. Теперь другое дело. И чугун получаем и шлак выходит хороший, из него наилучший цемент получается. Так что руда наша еще, может, побогаче какой другой...

— А как у вас с механизацией? — спросил Янкин, поглядывая в окно.

— Тут надо вот как сказать, — ответил Михайленко: — одно дело до рекорда Семиволоса, другое дело — после. Шахта наша старая, оборудование было старое. Видите, копе-ришко у нас какой. Не то что на новых шахтах. Клеть одна — и для вагонеток и для людей. Неудобно, конечно. Но вот Семиволос

показал, как надо работать. Перешли на его метод. Руды стали выдавать гораздо больше. И это на все повлияло. Мы теперь проводим в шахте электровоз, троллей. Последних коняшек на-гора выдаем. Подъем переоборудуем. Подтягиваемся!

Янкин то и дело смотрел на часы. Наконец в два часа раздался звонок. Янкин пошел на копер. Там уже собиралась вторая смена. Шахтеры в спецодежде проверяли лампочки, заправляли их водой и карбидом, перешучивались, ждали спуска.

Клеть поднялась. На сей раз она привезла не вагонетки, а шахтеров. По восемь человек она привозила наверх и по восемь человек уносила вниз. На лицах, на бровях, на ресницах шахтеров лежала красная пыль.

Одним из последних поднялся невысокий, чуть ниже Янкина, крепко сложенный человек. Кто-то сказал:

— Оце Семиволос!

Янкин удивился. Ему думалось, что Семиволос окажется могучим великаном. Он шагнул вперед и, чуточку волнуясь, заговорил:

— Товарищ Семиволос... я приехал с Урала... только с медной шахты... тоже бурщик...

— Бурщик?!

Семиволос остановился, переложил лампочку в другую руку, широко улыбнулся и крепко стиснул пальцы гостю.

— Просим... будьте как дома!

— Вот... приехал ваш секрет разузнать, товарищ Семиволос!

Семиволос засмеялся. У него были живые блестящие темные глаза,

— Никаких особых секретов нема, — сказал он, — что есть, все покажу. Познакомьтесь с нашей бригадой. Вот Гудименко... Вот Рябковец... Вот самый молодой — Федя Единочок...

Янкин пожал руку шахтерам.

— Ну, как дела? — спросил он у них.

— Что ж, бригада бригадиром славится, — отозвался Единочок, — як бригадир порядкуе, так и бригада працуюе...

— Это верно! — сказал Янкин.

Семиволос сразу же повел гостя к себе. Они шли по длинной Пограничной улице, мимо белых шахтерских домиков.

Прохожие улыбались Семиволосу, здоровались с ним — Кривой Рог гордился своим знаменитым бурщиком.

Они подошли к двухэтажному дому. Таких домов здесь стояло много. Это был новый шахтерский поселок «Смычка».

Семиволос усадил гостя, познакомил его с семьей — с женой Машей, с дочками Светланой и Милочкой, с матерью.

— Мать недавно приехала погостить... из колхоза Корсунского района... на Киевщине...

— Как оно там живет? — вежливо спросил Янкин, садясь около старухи. — Я сам к отцу собирался... да вот не пришлось...

— Подходяще живет, — ответила она. — Вот земляки Алешей интересуются. У него теперь всего больше стало. Знать, не только слава идет, а и заработки другие стали.

— Известное дело: як лучше поработаешь, то и больше получишь, — сказал Семиволос, садясь к столу. — Возьмите Федю Единочка,

Восемь месяцев назад еще лопатошником работал. Был в моей бригаде, подучился... Теперь полторы тысячи в месяц приносит. Две нормы дает...

Семиволос пригласил гостя к обеду. Они понравились друг другу. Им хорошо и легко было разговаривать. Они быстро подружились — бурщик Семиволос и бурщик Янкин.

7

Отставание научно-технической мысли от творческих дерзаний передовых горняков не терпимо.

Из газетной статьи

Через день друзья отправились на шахту. Снова они шли по длинной Пограничной улице, снова прохожие улыбались Семиволосу. Семиволос рассказывал Янкину:

— С детства я, Ларион, батрачил по хозяйствам. Потом пошел на шахту. Сперва мне страшно показалось, чуть не закричал: «Мамка, до хаты хочу!» Это сейчас у нас в шахте светло, электричество, вентиляция... а в те годы! Механизации никакой, всё своими руками делали. Бурили породу — один бурщик бур держит, другой по затылку бура молотком постукивает... Долго не мог разобрать, что к чему. Это сейчас меня разбудил ночью, спросил: «Что такое штрек?» — я тебе отрапортую: «Горизонтальная выработка для откатки руды, доставки оборудования и передвижения людей». Не сразу я узнал, что подготовительные и нарезные работы — это когда пробивают пу-

стую породу, чтобы до руды добраться. А очистные работы — это когда уже самую руду добываешь. Но мало-помалу стал разбираться. Был сначала смазчиком, потом бурносоцем — тяжелые буры таскал, потом пошел в коногоны, потом стал воротковым — работал у воротика на разведочных шурфах. Был и горным мастером-десятником.

— Все шахтерские чины прошел! — сказал Янкин.

— Точно! А в тридцать четвертом году пошел в бурщики. Это, сам знаешь, наивысшая квалификация в шахте.

— Само собой! — отозвался Янкин.

— А як же ж! Только вот беда: не были мы, бурщики, загружены полностью. Пойдешь в забой, набуришь шпуров, потом сам и динамит закладываешь, сам и палишь. Надо бы нам, бурщикам, дальше бурить, а нельзя: забой завален рудой. Давай очищать! Сам и крепишь, и лопатишь, и канавщика заменяешь. За смену один-два забоя обуришь, не больше...

— Во-во, — подхватил Янкин, — и у нас то же...

— То же, да никуда не гоже. И я, знаешь, все башку ломал: как бы добычу поднять? Ведь нарком как выразился? Он так выразился, что подготовительные и нарезные работы в шахте — это, говорит, фронт. Его надо все поддерживать и расширять. А то сядешь на мель.

— Это в каком же смысле? — спросил Янкин.

— В таком, что если не будешь фронт расширять, будешь только подготовленную руду

выбирать, то есть только очистными работами увлекаться, то быстро выдохнешься. Подготовленную руду выдашь, а дальше что? Дальше стоп!

— Понятно, понятно! — кивнул головой Янкин.

— Так у нас и бывало раньше. Народ волнуется:

«Негде брать руду. Нет забоев!»

А кто виноват, что позабывали о нарезных работах, о широком фронте? Вот и получалось. Придешь в шахту, просишь горного мастера:

«Дозвольте хоть, Тарас Иванович, вагонетки потолкать. Погреться бы!»

А он усмехается:

«Попрацуйте!»

А станешь у него просить новых забоев, брови насупливает.

«Що? Забои? Де я их вам визьму? Ривчаки идить прочищать!» Канаву, значит, помойницу...

Семиволос помолчал.

— А ведь нам правительство все дало: буровые каретки — раз, — он стал загибать пальцы, — воздушные молотки — два, погрузочные машины — три, конвейеры — четыре, скреперные лебедки — пять, и еще много всякого. — Пальцы Семиволоса сжались в кулак. Он приподнял его. — И все это богатство стояло без дела. Работало час-два в смену, не больше. Потому что не было широкого фронта работ. Это все равно как если бы трактор привезти на маленькое поле, вроде единоличного. Ему там повернуться негде, теснота. Нет широкого

фронта. Так и здесь. И вот я все ходил, думал, мечтал вроде:

«Вот дали бы тебе, Алексей, много забоев, дали бы тебе широкий фронт. Вот бы ты переходил из забоя в забой и бурил бы без остановки. Вот бы ты тогда, Алексей, показал хорошую працю!»

Так я мечтал, прикидывал, как можно эти забои расположить, потом стал ходить везде, стучусь во все двери: и к главному инженеру Халабуденко Михал Дмитричу, и к заведующему шахтой Михайленке, и в редакцию нашей «Ильичевки», и в партийную организацию, доказываю:

«Дайте мне много забоев, дайте мне широкий фронт, чтобы мне не толочься в одном забое, как тому ведмедю в берлоге!»

— А они? — спросил Янкин.

— Кто как! Одни говорят:

«Алексей, ты не выдумывай, батьки наши так робили, и мы будем».

Я говорю:

«Так у батьков наших-то ведь техники такой не было, якая у нас есть, они голыми руками робили, а у нас машины вон какие! Должна, — говорю, — новая техника повлиять или нет?»

А другие говорят:

«Это ты, Алексей, хочешь прибавить нарезных работ, это невыгодно, расходы большие!»

Я отвечаю:

«Так ведь за нарезными работами, если мы их развернем, и очистные потом развернутся, больше руды будет!»

Не слушают. А я все добиваюсь. Ну, спа-

сибо, партийная организация подмогла, да и товарищ Халабуденко внимательно подошел. Посовещались они на партийном собрании, и сразу после собрания, вижу, спускаются ко мне в шахту и партийный секретарь и главный инженер, говорят:

«Ты чего, Алексей, добиваешься?»

«Дайте мне, — говорю, — товарищи, много забоев! Дайте мне фронт работы. Чтобы мне не толочься в одном забое!»

Они спрашивают, конечно:

«А сколько ты, товарищ Семиволос, берешься обуить?»

Я засмеялся, плечами так двинул:

«Забоев четырнадцать, пожалуй, что и сделаю!»

«За одну смену?»

«За одну».

Тут они говорят:

«А шестнадцать не хочешь?»

Вот оно как дело пошло! Я сказал:

«Товарищи, вы поймите то, что если я возьмусь шестнадцать, а не сделаю, то будет мне стыд, а если обещаю четырнадцать, а сделаю шестнадцать, тогда...»

Они говорят:

«Ишь ты, Алексей, какой ушлый!»

Я говорю:

«Только чтобы мне приготовили забои, чтобы руда не валялась, чтобы инструмент был справный и на месте чтобы на плечах не таскать зря...»

Пообещали!

И вот наступило двадцать седьмое июля.

По-стахановськи робити —
добре буде жити.

Украинская поговорка

— Работал я в тот день в третьей смене, — рассказывает дальше Семиволос. — Спустился в шахту. Вижу — приготовили мне двенадцать забоев. Три на пятом подэтаже, остальные на третьем и четвертом.

Пробую воздух в шланге — давление хорошее, все трубы отремонтированы, не пропускают нигде. Свет в шахте хороший. Все выработки от породы очистили. Словом, все, как должно быть.

Один молоток у меня в работе, и еще два запасных на разных горизонтах, и шланги при них, и запасные комплекты буров.

Вот я приступаю к работе. Сначала запустил молоток на холостой ход, смазал его как следует. Бутылка с маслом у меня на поясе висит.

Как шпур обую, я бур быстро вытаскиваю, кран от воздуха не закрываю, сразу начинаю новый шпур. А еще когда первый шпур кончаю, я уже думаю, где второй пробивать. Как молоток переставлять, тут меняю положение тела, чтобы равномерней дать нагрузку. То правой ногой молоток подпираю, то на левую ногу передаю, то на грудь, то на плечо, — так оно легче получается.

Бую. Не надо мне за лесом ходить, за бурами. Слесарь под рукой, буры затачивает, за воздухом следит. Сверху звонят по теле-

фону: «Сколько сделал, сколько сделал?» А я все бурю, перехожу из забоя в забой.

Тут начальник участка увидел мои темпы, еще четыре забоя приготовил. Я и эти обурил, а еще звонка нет, еще смена не кончена.

— Неужели еще время осталось? — удивился Янкин.

— Ага! Тогда мне быстро еще два забоя подготовили, и я их тоже обурил. А всего сделал восемнадцать забоев. Двадцать два метра готовой выработки.

— А норма? — спросил Янкин.

— А норма — метр восемьдесят пять. Тысяча двести процентов нормы вышло. Поднялся я на-гора, грязный, чумазый, весь в руде, устал, конечно, вдруг вижу — под копром народу, народу!.. Цветами встречают! Духовая музыка играет. Это меня-то! А я и не знал ничего. Растерялся. И знаешь, Ларион, от волнения внутри аж захолонуло и даже вроде слеза выступила, бис ее знает!

— Бывает... — улыбнулся Янкин.

— Ну, тут оно и пошло. На другой день Гудименко из моей бригады стал бурить по новому многозабойному методу — обурил девятнадцать забоев. Опять митинг. Гудименко речь держит.

«Руда, — говорит — товарищи, нужна. Страна наша, — говорит, — руды требует. Вот Алексей, бригадир наш, — и на меня кивает, — предложил метод. Простой, — говорит, — метод! Хороший, — говорит, — метод! И я от имени бригады заявляю, что на том уровне, не снижая его, будем работать и дальше!».

Он у нас мастер говорить, Гудименко! На

другой день Рябковец — тоже с моей бригады — сделал девятнадцать забоев. Потом моя очередь. Я, как-никак, бригадир, а бригадир — як в полку командир, неудобно быть сзади... Обурил я двадцать два забоя — двадцать семь метров выработки, 1695 процентов нормы. И покатилося по всему Кривбассу! Кто раньше был против моего метода, теперь прибегают: «Научи!» Приходят жинки, домогосподарки, домашние хозяйки то есть, просят:

«Росскажить, Олеша, як вы працюете. Хочу, щоб и мий чоловік давав багато руди и заробляв бильше!»

Бурщик Митрофанов вслед за мной сделал четыре тысячи процентов нормы. А! Что скажешь, Ларион! Весь Кривбасс, словно за уши кто вытянул, стал план выполнять, зажглись зирки на копрах...

— Видел, видел, — сказал Янкин.

— Слушай дальше, — продолжал Семиволос. — Работаю я в шахте, бурю. Тут, на беду, стойка упала в люк; я ее вытаскиваю, вдруг вижу — идет управляющий, а за ним еще человек двенадцать. Пробираются ко мне в забой. Я думаю: мало ли, может, какая комиссия, не обращаю внимания. А управляющий подходит ко мне и говорит:

«Товарищ Семиволос, познакомьтесь с товарищем народным комиссаром черной металлургии».

У меня аж руки опустились, стойку уронил. А народный комиссар улыбается.

«Поздравляю, — говорит, — товарищ Семиволос, с хорошими успехами».

А управляющий читает постановление...

Семиволос порылся в карманах, достал газетную вырезку, развернул ее и, убавив шаг, стал читать.

— Слушай: «Поздравляю товарища Семиволоса и Гудименко с прекрасными результатами, достигнутыми в обуивании нарезных забоев, с выполнением норм на 1200 процентов. Ваши достижения должны быть закреплены и перенесены на нарезные и подготовительные работы во все шахты Кривбасса...»

Дальше еще крепче: «Обязываю управляющих трестами и начальников шахтоуправлений Кривбасса всемерно поддерживать замечательное движение скоростников-организаторов обуивания скоростным методом во всех шахтах, используя опыты товарищей Семиволоса и Гудименко». И подпись: «Народный комиссар черной металлургии».

Всемерно поддерживать, вот как! — закончил Семиволос и спрятал бумагу в карман. — Вот и наша шахта. Милости просим, товарищ!

9

Металл проникает всюду. Он вытесняет из производства и сохраняет в пользу человечества мощные массивы леса.

Акад. И. Бардин

Янкин облачился в брезентовые штаны и куртку, натянул резиновые сапоги, надел на голову твердую шахтерскую шапку вроде каски (чтобы не стукнуться головой о крепление) и, повесив на плечо лампочку-карбидку, последовал за Семиволосом.

Клеть быстро шла вниз. Голубой свет дня растаял, наступила темнота. Потом она окрасилась желтым светом электричества. Стоп! Звонок стволового. Клеть остановилась. Друзья вышли.

Вагонетки, полные руды, ждали очереди у ствола. Накатчики подавали их на клеть. Стволовая, переставляя стерженек в доске с дырочками, отмечала очередную вагонетку.

Семиволос взглянул на доску:

— Ого, ко второй сотне подходит! Похоже, все двести вагончиков с лихвой выдадим!

— От вас, от бурщиков, зависит, Алексей Ильич, — сказала стволовая и дала звонок наверх.

— За нами остановки нет, — ответил Семиволос.

Он чиркнул спичкой и зажег лампочку. От его лампочки зажег и свою Янкин. Все это было ему привычно. Непривычен был только красный налет на лицах, на вагончиках, на столбах, на руде — все кругом было кирпично-красного цвета.

Семиволос повел товарища по штреку. Каменистая порода глыбами нависала над головой. Низко висели яркие электрические лампы. В их свете блестели красные лица крепильщиков, слесарей, лопаточников, проходчиков...

Монтеры подвешивали провод для электровоза. Прикрепляли электрифицированные таблички: «Берегись троллея!»

В отдельной камере оборудовалась подземная электрическая подстанция. В огромных ртутных выпрямителях клокотала электрическая энергия.

В штреках пахло свежим лесом. Это пилили доски для настила между рельсами.

— Бережись! Бережись! — то и дело раздавался окрик.

С грохотом и звоном мимо друзей пронеслись поезда с рудой.

Поезда шли один за другим. Руда текла нескончаемым потоком.

Все чаще звонил стволочной, все быстрее катились вагонетки, все круче вырастала гора руды под эстакадой.

— По-новому жить начинаем, Ларион, — сказал Семиволос. — Темп другой. Теперь за бурщиками должны поспевать крепыльщики. Руды стало больше итти, значит и крепыльщикам и откатчикам — всем больше работы, все нормы перевыполняют. Простоев нет больше.

Он оглядел штрек, помахал лампочкой:

— Скоро известью побелим все штреки, тогда посветлеет, и каждый буток руды на виду будет. Да и дерево после побелки гнить не будет.

— Вот и нам так надо, — сказал Янкин.

Они прошли в забой. Там уже все было подготовлено. Янкин внимательно следил за работой товарища. Вот Семиволос взял бурильный молоток. Вот он продул шланг. Вот он смазал молоток. Вот он стал бурить. Часто и мелко застучал молоток. Сжатый воздух свистел в трубах.

Семиволос больше не рассказывал. Он работал молча и сосредоточенно.

Бур стал вбиваться в толщу. Вот Семи-

волос легко переложил молоток к левой ноге. Потом, когда бур глубоко ушел в породу, он стал подпирать его плечом, потом грудью.

Янкину не терпелось взяться за любимое, привычное дело. Но он сдерживал себя. Он решил сначала как следует изучить работу Семиволоса. Всю смену он провел в шахте около товарища.

И только на следующий день он тоже взялся за молоток.

— Ну, в добрый час, — сказал Семиволос и включил воздух.

Молоток затрещал, но работа не ладилась. Янкин загнал забурник в твердую, как скала, руду и остановился. Он выключил воздух и глухо сказал:

— Что-то не идет у меня, Алексей! Отвык, что ли?

Семиволос поднял лампочку.

— Ты, брат, не спеши!

Он помог товарищу вытащить бур.

— Учти: у нас порода слоистая, каждый сантиметр другой твердости. Надо по-разному молоток приспособливать.

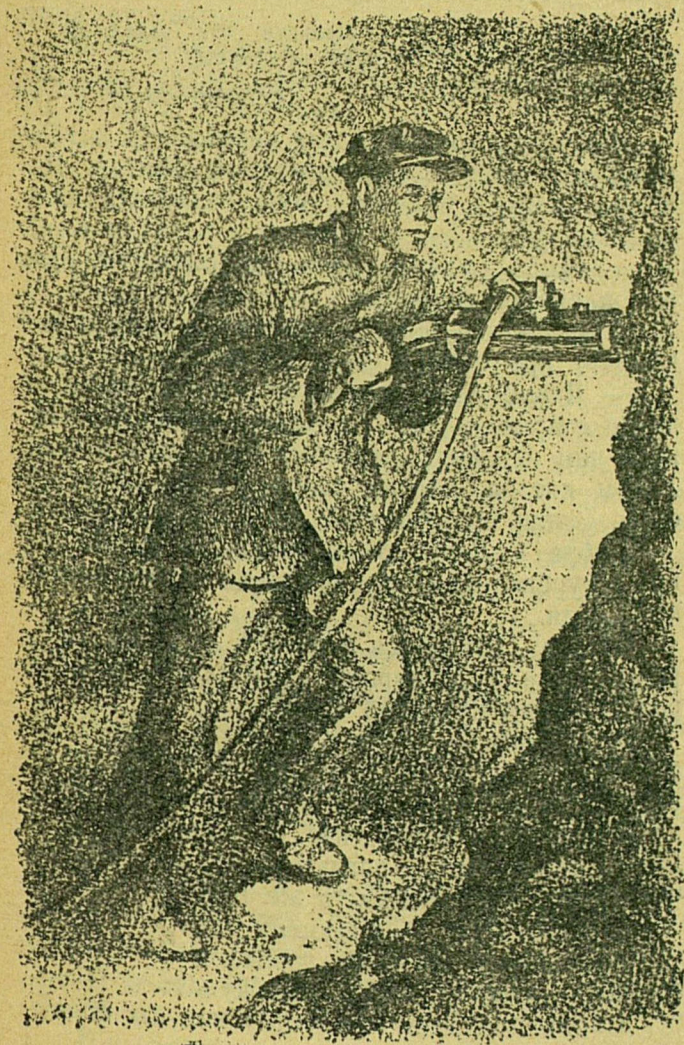
И Семиволос показал Янкину, как держать молоток.

Янкин снова стал работать. Дело пошло лучше.

— У вас руда мягче нашей, но хитрей, — сказал он. — Ушлая у вас руда.

Он быстро приспособился к непривычной для него красной руде.

Так работали в тесном забое плечо к плечу два бурщика — украинский и уральский...

Паньски очи завидющи, а
руки загребущи.

Украинская поговорка

В шахтерском поселке, неподалеку от Семоволоса, жил старый-престарый шахтер. Довелось как-то Янкину с ним толковать. Старик говорил:

— Наша руда на весь мир славится. Про нее и сказки сложены...

И рассказал Янкину легенду про рудый камень, про острую казачью саблю.

— Давно дело было, лет триста назад, — начал старик. — Жил на Днепре казак. В сказке о нем говорится, что был он ростом высок, ликом светел, костью широк, силы богатырской. Звали его Алексей, по прозвищу Дыня.

Добра у Дыни было немного: кузня на краю куреня, да конь-дончак, да острая казацкая сабля.

Вот раз, говорится в сказке, зашумел-заиграл куренной литаврщик. Сбежалась казачья рада. Вышел куренной атаман.

— Добрые, — говорит, — казаки, любезные сечевики! Снова на Сечь Запорожскую идут злые ляхи-вороги. Снова задумали они отнять нашу матушку степь, нас в полон увести, а жен и сестер наших согнать шляхтичишкам на поругание. Так не бывать же тому!

— Не бывать! — зашумела рада.

— Ударим же всей громадою, — говорил атаман, — чтоб зареклись они думать о Днепре, а коли подумают, то чтоб у них аж спины зачесались.

— Не будут, — закричали казаки, — паны нами керувать!

Затрубили рога, зазвенели стремяна, за сверкали сабли. Стали казаки на коней садиться, в поход собираться.

Вышел вперед бунчужный казак с бунчуком на пике, а с ним сам кошевой атаман с палицей, а за ним куренные атаманы, а за ними есаулы, а за ними сотники, а за ними хорунжие, а за ними подхорунжие, — и пошла, и пошла вся казачья громада на поляков.

А ляхи тучей идут навстречу. Спешат кольчужники. Шагают латники в медных шапках. Скачут гусары в малиновых кафтанах с отлетными рукавами. Гремят барабаны. Грохочут пушки — гарматы. А сзади на белом коне едет сам воевода. Седло у него ковровое, стремяна золотые, сбруя с серебряным набором, на коне меж ушами султан из белого пера, а по бокам кисти парчевые на шелковых шнурах...

А казаки притаились в высоких днепровских камышах. Ждут незваных гостей.

Но вот кошевой атаман махнул клинком. А за ним все казаки разом оголили клинки (будто тысяча молний сверкнула) да как гикнули, да как прищпорили коней, да как развернулись по широкой степи, да как ринулись лавой...

Дрогнули ляхи. Заглохли барабаны. Побежали кольчужники, гусары коней завернули.

А казаки скачут за ними, рубят саблями, а впереди всех — простой казак Алексей Дыня.

Ему кричат:

— Дыня, берегися, от громады не отрывайся!

А Дыня не слышит, да и конь разгорячился, несется вперед да храпит, да мылом швыряется.

А ляхи отошли, устроили засаду, ударили из пушек.

Призадержались казаки.

Хотел было Дыня к своим повернуть, да поздно. Набежали враги, окружили. Стал казак отбиваться. Махнет саблей — развалит врага надвое. Одного зарубит — двое кидаются. Двоих сбросит — вчетвером насаждают. Четверых разметаёт — ввосьмером рвутся.

Но и восьмерых Дыня успокоил, прорвался сквозь вражье кольцо. Вдруг засвистел пеньковый аркан. Не успел казак саблей махнуть, захлестнулась петля на казачьей шее, сволокло его наземь.

Стал Дыня отбиваться лежа, но притомилась рука; вздумал он саблю в левую руку переложить, тут-то враги и схватили его.

Связали арканом, повели к воеводе, а сзади казацкую саблю несут, а на клинке булатном кровь еще не остыла, кипит.

Увидел пленного воевода, кричит:

— Сколько ж ты, хлоп, наших славных шляхтичей погубил?

А Дыня отвечает:

— Не считал!

— Зато мы считали! — кричит воевода. — Двадцать могучих рыцарей зарубил ты своей поганой саблей!

А Дыня отвечает:

— Маловато.

Взял воевода казацкую саблю, посмотрел на нее и говорит:

— Зарубите его этой саблей.

Потащили панские слуги казака.

— Пойдите!.. — кричит воевода. — Скажи, хлоп, где достал свою саблю?

А Дыня отвечает:

— Нигде не достал, я сам ее ковал.

— Из чего же ты ее ковал?

— Из рудого, — говорит Дыня, — камня. Рудый камень с березовым угольком сварю да и кую.

— А где ж ты, голота, берешь тот рудый камень?

— Не помню.

— А ну, слуги добрые, напомним!

Стали ляхи казака пытаться. Два дня терпел казак, на третий сил нехватило. Признался Дыня:

— Рудый камень лежит на Саксагани-реке да на Ингульце-реке, где червонные берега.

Послал воевода гонца. Гонец в казачью одежду нарядился, пробрался на Сечь Запорожскую, нашел червонные берега, нашел рудый камень, отколол глыбу и приволок воеводе.

— На вот тебе, голота, рудый камень, на вот тебе уголь березовый, сварь, чтобы мои кузнецы мне такую же саблю сковали.

Взял Дыня рудый камень, взял березовый уголь, а сам думает:

«Сделаю так, что не обрадуются ляхи».

И как стал рудый камень варить, взял да угля лишнего и переложил.

Стали панские кузнецы саблю ковать.

Куют-куют, а она не куется. Так под молотом на куски и рассыпается. Вся рассыпалась, а толку нет.

— Ты что ж нам чугунную саблю подкинул? — кричат. — Зарубить его — и дело с концом!

А казак отвечает:

— Я к вашему углю непривычный, лишнего положил. Теперь буду знать.

В другой раз воевода гонца посылает. Снова гонец пробрался на Сечь Запорожскую, нашел червонные берега, нашел рудый камень, отколол глыбу и приволок.

«Ну, — думает казак, — сделаю так, что не обрадуетесь».

Стал варить рудый камень, а угля березового-то и не доложил.

Стали панские кузнецы ковать саблю. Куют, не нарадуются. Хорошо куется, послушно, так и лепится под молотом. Обрадовались кузнецы, отковали саблю, стали ее испытывать, ударили, а она сразу затупилась, загнулась — мягкая слишком, силы не имеет.

— Ты что ж нам железную саблю подсунул? — кричат. — Зарубить его, злодея!

А казак отвечает:

— Да вы не так куете! Дайте я вам покажу!

В третий раз пошел гонец на Саксагань-реку да на Ингулец-реку, приволок глыбу рудого камня.

Стал Дыня его варить, на сей раз аккуратно сколько надо угля, столько и положил. Сварил, стал сам ковать. Долго ковал... Хороша

сабля получается, вся из булатной стали, и тверда, и остра, и послушна.

Хотят поляки взять ее, а казак говорит:

— Подождите, она еще не остыла.

В другой раз хотят поляки взять ее, казак говорит:

— Подождите, ее еще наточить надо.

В третий раз хотят поляки взять ее, казак говорит:

— Подождите, ее еще испытать надо.

Да как схватит ее, да как замахнется, да как сверкнет клинком — аж глазам больно стало. Зажмурились ляхи, а как опомнились — воевода ихний на земле лежит, кровью обливается, на две половины разрубленный.

Закричали поляки, зашумели, кинулись за Дыней, а он уже далеко, скачет на белом воеводском коне, саблей от погони отбивается. Одного зарубит, двое кидаются; двоих уложит, вчетвером наседают...

Отбился Дыня от погони, прискакал к своим, снова стал жить в своем курене у широкого Днепра.

С тех пор не раз пытались враги пробиться к Днепру, да не выходит ничего: остра булатная казацкая сабля, из рудого нашего камня варенная...

11

Добре того вчити, хто хоче
все знати.

Украинская поговорка

Две недели гостил Янкин у Семиволоса. А когда собрался уезжать, все раздумывал:

«Или мне все-таки к отцу поехать? Или

на шахту катнуть?.. Нет, поеду на шахту!» решил он.

Семиволос провожал его.

— Отвезу им твои секреты, Алексей, — сказал Янкин и вынул из кармана записную книжку. — Тут у меня все записано. Приеду, такой доклад сделаю — что твой инженер!

Он был аккуратный человек, Илларион Янкин. В книжечке на одной странице было мелко и чисто записано:

«Метод Семиволоса:

1. Уплотнение рабочего дня. Раньше бурили за смену 138 минут, теперь 390.

2. Разделение труда. Бурщику не надо крепить, заряжать шпуры, палить, выбирать породу, готовить инструмент.

3. Новое расположение забоев. Не надо тратить часы на переходы.

4. Новый порядок обуривания. Поточность движения молотка».

А на соседней страничке все так же аккуратно была сделана запись двумя колонками. Одна колонка была озаглавлена:

«Что общего в методе Алексея Стаханова и Алексея Семиволоса?

А. Уплотнение рабочего дня.

Б. Полное использование машины — то есть молотка.

В. Разделение труда».

Последние слова были дважды подчеркнуты чернильным карандашом.

Соседняя колонка называлась:

«Что нового внес Семиволос в стахановское движение?

1. Стаханов работает в одном уступе. Потому что уголь. У Семиволоса, наоборот, многозабойное обустройство. В смену — 18—20 забоев.

2. Правильно расположены забои.

3. Внимание подготовительным работам. Создается широкий фронт.

4. За быстро работающим бурщиком подтягиваются все прочие специальности. Растет добыча, растут заработки».

Янкин захлопнул книжечку и повторил:
— Такой доклад сделаю, ахнут!

До поезда оставались считанные минуты. Вдруг на платформе показался высокий сутулый старик. Седые усы его развевались по ветру. Постукивая палкой по асфальту, он искал кого-то.

Семиволос окликнул его:

— Товарищ Гершойг, кого провожаете?

Тугоухий старик не расслышал.

— Кого, говорю, провожаете? — громче сказал Семиволос.

Старик разобрал наконец.

— Я ищу того... который приезжал с Урала... шахтер... Говорят, он сегодня уезжает...

— Янкина? Да вот же он!

Старик обрадовался:

— Хорошо, что я еще успел. Я вот что... я пришел попросить вас прислать мне образцы ваших руд. Там, на Урале, их много. А? Что? Не забудете?

Он приставил руку к волосатому уху.

— Обязательно! — сказал Янкин.

Раздался звонок. Друзья стали прощаться.

— Спасибо за учебу, Алексей! — сказал Янкин.

Они расцеловались.

— Смотри, Янкин, не зарывайся, не горячись! — сказал Семиволос. — Делай все продуманно, осмотнительно, обеспечь хорошую подготовку. Вот тебе мой совет. Ну, и пиши, пиши обязательно.

Поезд тронулся.

— Так не забудьте же образцы! — кричал старик.

— Обязательно! — кричал в ответ Янкин. — Пришлю...

Поезд ушел. Зарево бессемера все так же стояло над городом.

— Хороший парень, — сказал Семиволос старому Гершойгу. — Толк из него будет.

— А? Что? Да, я думаю, что придет, — ответил занятый своими мыслями геолог.

Вскоре Семиволос получил письмо:

«Добрый день, Алексей Ильич!

От всего сердца шлю вам горячий привет и наилучшие пожелания. Я очень и очень благодарен Вам за то, что Вы меня научили работать скоростным многозабойным методом... Седьмого декабря я установил новый рекорд, выполнив норму на 1935 процентов. Этого последнего показателя еще никто не перекрыл, а что будет дальше, не знаю...

С товарищеским приветом

Янкин».

Семиволос прочитал письмо, потом подошел к окну и долго смотрел на красные звезды над шахтами.

Сейчас там, на далеком Урале, где живет и работает его друг Янкин, тоже зажигаются такие же звезды.

Так завязалась эта дружба, крепкая, как железная руда Криворожья, и горячая, как пламя его доменных печей...

Вот о чем рассказал мне лежащий на моем столе рудый камешек из Кривого Рога, где шахтоуправление — имени Ильича, и шахта Ильича, и Семиволос Алексей тоже Ильич...

**
*

Я дописывал эти строки 15 февраля 1941 года, в день открытия XVIII партийной конференции. В этот же день в газетах были помещены две заметки:

Вот одна:

Свердловск. 14 февраля. (По телефону от собств. корресп.)

Знатный бурильщик шахты «Красногвардейская» Илларион Янкин 13 февраля закончил выполнение полугодового задания.

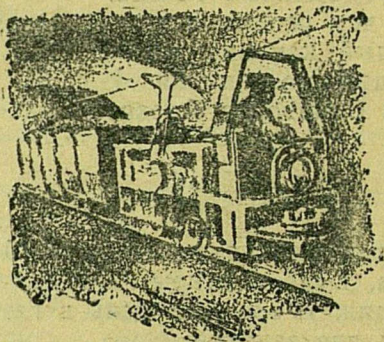
А вот и другая:

Кривой Рог. 13 февраля (По телефону от нашего корресп.,

Сегодня во второй смене в честь XVIII Всесоюзной партийной конференции знатный бурильщик шахты имени Ильича Алексей Семиволос установил выдающийся рекорд производительности труда. Работая в очистных забоях, он отбил 2000 тонн руды и выполнил план на 2432

процента. Такой производительности труда никогда еще не давал ни один бурильщик в Криворожском железорудном бассейне.

Обе эти заметки напечатаны были рядом, как символ дружбы между двумя горняками...

~~Июль 1969~~

~~344/3~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА~~

802

Цена 40 коп.

Действующая